

Я моргнула, на моем лице появилась смущенная улыбка:

— Да, но чаще всего я просто не знала, что сказать. Прости, я такая скучная.

Аллен покачал головой, янтарь в его глазах мерцал отсветами:

— Вовсе не скучная. Это я... слишком капризничал.

— Ты заслуживаешь права капризничать, — снова улыбнулась я. — У тебя есть на это право.

Все равно не мне на тебе жениться.

С этими словами я быстро ретировалась. Шутка ли — если он снова на меня набросится, не факт, что я смогу контролировать свои эмоции.

Щелк.

Дверь заперлась.

Раскаты грома за окном неизвестно когда стихли, дождь постепенно ослабевал.

Аллен, кутаясь в пиджак, несколько минут сидел на кровати, все еще чувствуя себя несколько ошеломленным.

В глубине души он даже испугался: что бы случилось, если бы они продолжили? Расторжение помолвки его не пугало, Цзян Сэня он и подавно не боялся, но тогда ее, наверное, устранили бы как участницу скандала? А его самого, возможно, всеми правдами и неправдами выдали бы за аристократическую семью пониже, сменив одну клетку на другую.

Она была права: он действительно не все продумал.

Хорошо, что они не продолжили.

Аллен встал и подошел к окну; капли дождя одна за другой скатывались по стеклу.

В этих каплях преломлялся оранжевый свет ночника, словно перед ним рассыпались искры. Эти искры разлетелись повсюду, но в конце концов все же разожгли в нем огонек: в груди собралась удушающая тяжесть, на лбу выступила легкая испарина, а по щекам разлился

румянец.

Бах

Аллен уперся лбом в стекло, кончик его носа покрылся легкой испариной, и он сильнее закутался в пиджак.

Чрезвычайно легкий, почти улетучившийся аромат феромонов вперемешку с намеком на дымок пахнул на него словно промокшая после горения бумага — влажный пепел буквально ворвался в его ноздри. Он будто снова ощутил летящую пыль и жар, нахлынувшие так внезапно, что они вытеснили все мысли и рациональность.

Его дыхание участилось, он запрокинул голову, стекло нагрелось от его жаркого выдохов. Рука, сжимавшая пиджак, побледнела от напряжения, приоткрытый рот пытался заглотить воздух, но чаще всего лишь выдыхал клубы пара. Горячий воздух затянул стекло еще более густым туманом, на нем выступили капельки, медленно скатившиеся вниз.

Судорожно напряженное тело юноши в какой-то момент застыло.

Аллен опустил ресницы, глядя на свое отражение в стекле, и его голова закружилась все сильнее.

Возможно... все же нужно было продолжить.

Было чуть больше десяти вечера.

Машина Цзян Сэня стояла у входа в больничный корпус.

Вообще-то, машинам разрешалось парковаться только на стоянке у медицинского центра, но для таких, как Цзян Сэнь и Аллен, эти правила были условностями.

Он откинул кресло и включил умный терминал.

Перед ним на стекле автомобиля спроецировался светящийся экран, на который повторно передали файл.

Два выделенных жирным шрифтом слова сразу бросались в глаза: «Чэнь Чживэй».

Это было досье, которое ему тогда не удалось дочитать: после истории с кольцом ему было не

до того. Но сегодня, увидев, какой жалкой выглядела эта альфа, у него вдруг возникло желание узнать о ней побольше — конечно, чтобы было над чем посмеяться.

Пролистав первые две страницы, на третьей он невольно нахмурился.

[История переездов: родилась в Третьем районе Центрального округа, в 2218 году переехала в Двенадцатый район Центрального округа.

Родители: оба неизвестны. Сирота, данные внесены в 2217 году.]

Города до Пятого района Центрального города — самые процветающие и богатые, и чтобы вернуться туда после отъезда, требуются многоуровневые согласования. Как же вышло, что она, наоборот, переехала оттуда? Нет... как она вообще могла там родиться?

Цзян Сэнь выпрямился и продолжил листать досье, пока не увидел диаграмму связей, где одна из линий указывала прямо на лидера нынешнего мятежа.

В ходе расследования установлено, что она и Олпут Дели (казнен по приговору суда), бригадир цеха на заводе по обработке деталей «Эньбори», расположенном в Заводском районе Вэйдун Двенадцатого района Центрального города, работали в одном цехе. Олпут Дели отличался грубым и задиристым характером и часто злоупотреблял служебным положением. Перед инцидентом у них с ней произошла словесная перепалка. После разбирательства в цехе Олпут Дели был отстранен от работы на неделю. По данным опроса, после возвращения к обязанностям их отношения улучшились.

Не зря она говорила, что ее схватили, когда она вышла посмотреть на суматоху. С такой связью трудно избежать подозрений, даже если ты ни при чем.

Хотя... стоп, а может, не все так однозначно?

Цзян Сэнь задумался, вновь удивленно приподняв бровь, но едва он пролистал дальше, как краем глаза заметил в окне больничного корпуса какое-то движение.

Он выключил дисплей, взглянул туда и сквозь тусклый свет смутно различил, как Аллен, прижавшись к стеклу, ритмично раскачивался.

Но Аллен был наверху, и Цзян Сэнь не мог разглядеть, что он делает, лишь смутно ощущая неладное. Он не удержался и провел рукой по щеке — свежая царапина все еще саднила, и в его душе нарастало раздражение.

Этот омега опять что-то затеял?

Цзян Сэнь подавил досаду и уже собрался выйти из машины, как вдруг увидел человека, про которого только что читал в досье.

«Как вовремя. Найду повод для допроса, упрячу ее за решетку, и Аллену уже не к кому будет приставать».

На его губах промелькнула усмешка, а в глазах вспыхнула насмешка.

Я нервно шарила в кармане в поисках сигареты, чувствуя себя смертельно уставшей и раздраженной.

Подняв глаза, я увидела прямо перед собой машину. Черт, рев ее двигателя был просто оглушительным.

Я подошла и уже собралась украдкой пнуть ее пару раз, как вдруг услышала какой-то щелчок и от неожиданности отскочила на несколько шагов назад.

Тут же стекло окна медленно опустилось, и в проеме появилось лицо с чертами, полными холодной мужественной красоты.

Я слегка выпрямилась, подумав: «Хорошо, что не пнула».

Цзян Сэнь холодно посмотрел на меня:

— Садись.

Центральный замок с легким щелчком разблокировался.

Уже глубокая ночь, и ты приказываешь мне сесть? Неужели собрался отвезти куда-нибудь и выбросить, как мусор?

Не смея задавать лишних вопросов, я открыла дверь, села на пассажирское сиденье, но не успела как следует устроиться, как увидела, что его лицо помрачнело.

— От тебя... — его взгляд стал тяжелым и темным, но он не стал продолжать.

Что «от тебя»?

Я принялась, и мой мозг на пару секунд опустел.

«От меня пахнет его парфюмом... Это твой нос совершил преступление...».

Неуместная песенка из эпохи старого интернета навязчиво засела у меня в голове.

В этот момент мне, черт побери, дико захотелось рассмеяться.

<http://bllate.org/book/13204/1177395>